

Е. П. Слепцов, А. И. Егорова

ҮРҮН АЙЫЫ ТОЙОН КАК КЛЮЧЕВОЙ МУЖСКОЙ ОБРАЗ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ ЯКУТОВ¹

В статье рассматриваются вопросы развития социальных, в том числе гендерных установок в якутской мифологии и эпосе. Проведен анализ роли образа Үрүн Айыы Тойона в формировании патриархальной организации якутского общества. Образ Үрүн Айыы Тойона явился патроном нового социального порядка и инструментом вытеснения культов матрилинейной общины и их ведущего персонажа – хозяйки земли. В работе выделены этапы исторического развития образа Үрүн Айыы Тойона, связанные со структурными изменениями в общине якутов в процессе перехода от матрилинейности к патрилинейности, а также идеологической функции данного культа. Образ Үрүн Айыы Тойона выступил носителем типических черт социальной группы тойонов и мифы о нем оказывались активным элементом структур господства в якутском обществе.

Культ Үрүн Айыы Тойона сложился и поддерживался как идеологическое обоснование власти тойонов, глав отдельных патронимий. Он был необходим для того, чтобы привести и укрепить идею патриархальной организации в якутскую мифологию. Образ Үрүн Айыы Тойон самодостаточен и не нуждается в чудесных качествах и героических деяниях. Самое существенное для творцов и потребителей мифологии заключалось в его социальном статусе главы агнатной общины. В мифе и героическом эпосе олонхо образ Үрүн Айыы Тойона закрепляет патриархальную генеалогию. В культе Үрүн Айыы Тойона выпукло представлена идея гендерного господства мужчины и проявляются тенденции, которые вели к образованию гендерной иерархии в якутском обществе. Мифология Үрүн Айыы Тойона явилась обоснованием системы агнатного родства, освящая нормы обычного права, закреплявшие господствующее положение мужчины и подчиненное положение женщины. Миф об Үрүн Айыы Тойоне предстает как активный элемент структур господства в якутском обществе, игравшим функцию инструмента закрепления гендерного неравенства и установления власти якутского тойоната.

Ключевые слова: якуты, мифология, эпос, олонхо, мужские образы, женские образы, патриархат, Үрүн Айыы Тойон.

Согласно наиболее распространенному сюжету якутской мифологии, а также героического эпоса олонхо, бог Үрүн Айыы Тойон – «Белый Айыы господин» (иногда его называют *Үрүн Аар Тойон* – ‘Белый Старейший господин’) является создателем вселенной, зримым воплощением которого выступает солнце. В эпической традиции земля называется *күн сирэ* – ‘земля солнца’, а сообщества людей обозначаются *күн улууһа* – ‘солнечный улус’, *айыы аймаҕа* – ‘родственники божеств айыы’ (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 138).

Үөһээ Үрүн Айыы Тойон
Оноруутунан олохтоммут эбит:
Бу аҕыс иилээх-саҕалаах
Атаанаах-мөгүөннэх
Айгы силик
Аан ийэ дайдыкабыт, доҕоттоор!

По соизволению вышнего
Үрүн Айыы Тойона
была устроена, оказывается
эта восьмибодная, восьмикрайняя,
с распрями и треволнениями,
нарядная, прекрасная,
изначальная наша мать-страна!
(Очерки по якутскому фольклору, 2008: 118).

В отдельных текстах обнаруживаются указания на формирование Үрүн Айыы Тойоном некоего порядка мироустройства.

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта № 18-013-00212 «Кросс-культурное исследование гендерных стереотипов народов Сибири и Северо-Востока России» при поддержке РФФИ

Үүнэн үрдэн тахсар
Үрүн маҕан күнүм
Үрүн Айыы Тойон буолан
Орто дойду
Оноһуллан үөскүүр күнүгэр...
Төлкөлөөн өрө
көппүтэ үһү

В день возникновения
созданного среднего мира
поднимается, возвышаясь, восходящее
пресветлое солнце мое,
воплотившись в Үрүн Айыы Тойона,
определив судьбу мира,
вознеслось наверх
(Очерки по якутскому фольклору, 2008: 137).

В мифах об Үрүн Айыы Тойоне проявляются ведущие тенденции развития самого якутского общества. Более того, мифы об Үрүн Айыы Тойоне, как мы увидим, имели социальную значимость и закрепляли эти тенденции.

Безусловно, классический образ божественного патриарха сложился не сразу и прошел длительный путь развития. Имеются сюжеты, где Үрүн Айыы Тойон является лишь одним из нескольких творцов вселенной (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 115), или где он ведет борьбу с противником за обладание сушей (Кулаковский, 1979: 15). В еще более архаичных повествованиях он оказывается богом, поражающим врагов стрелами (Емельянов, 1980: 58), что очень отличается от его привычной социальной роли. Выдвижение на статус верховного божества зависело от множества факторов – возвышения территориальной группы кангаласких якутов, почитавших Үрүн Айыы Тойона, способности его образа выступать носителем типических черт социальной группы тойонов, закреплять стандарты гендерного поведения в патриархатной общине.

Можно выделить два основных этапа в развитии образа Үрүн Айыы Тойона. Во время первого этапа становление образа Үрүн Айыы Тойона в якутском фольклоре было сопряжено со структурными изменениями в общине якутов, когда матрилинейная община уступила место патрилинейной и патриархатной. Утверждать это позволяет то обстоятельство, что образ Үрүн Айыы Тойона объединяет значительную часть повествований о женских божествах и женщинах-богатырях. Он оказывается единственным мужским персонажем, связывающим различные по времени возникновения мифы и героические сказания, своеобразной сквозной темой или осью объединения различных мифологических циклов. Здесь напрашивается вывод о том, что Үрүн Айыы Тойон был связан с вытеснением персонажей мифологии материнского рода.

В комплексе якутских олонхо сохранились повествования, главными персонажами которых были женщины. Таков, например, цикл сказаний о *Кылааннаах (Кыыдааннаах) Кыыс*, досл. 'Дева Кылааннаах'. Согласно основному сюжету, эта дева живет одиноко или с сестрой, использует мужчину, явившегося к ней, в качестве работника или, даже, раба и совершает путешествие для возвращения утраченной ценности. Вернувшись, становится женой своего работника (раба) (Емельянов, 1980: 57–70). В данном сюжете обнаруживаем мотивы чужеродности мужчины (его принадлежности к другой группе), сосредоточения материальных ценностей у женщины, матрилокальности брака. Лаконичность и незавершенность этих олонхо, обрванность некоторых эпизодов наводит на мысль об их архаичности, рудиментарности, а упомянутые выше мотивы указывают на их связь с мифологией матрилинейной общины. Но, в цикле этих мифов присутствуют и ферменты патриархальной мифологии. В одном из сюжетов Кылааннаах Кыыс одерживает победу над богатырем абааһы только с помощью стрелы, посланной Үрүн Айыы (не уточняется, что за божество выступает под названием «Светлое божество айыы»). Отсутствует эпитет «Тойон» – «Господин». Но, можно предположить, что здесь мы имеем дело с ранней формой наименования верховного бога. Встречаются эпизоды, в которых женщина-богатырь одерживает верх над врагами с помощью своего работника-раба, который затем становится ее мужем (Емельянов, 1980: 58).

Наконец, есть сюжет, где мужчина-богатырь, бывший до поры работником Кылааннаах Кыыс, одерживает победу в борьбе с ней и берет ее в жены (Емельянов, 1980: 65). Аналогичный сюжет присутствует в эпосе о Нюргун Боотуре. Задумав жениться, Нюргун Боотур находит себе невесту деву-богатыря Кыыс Нюргун, которая вступает с ним в схватку, не желая подчиниться мужчине. Но, в отличие от сюжета эпоса о Кылааннаах Кыыс, здесь уже выпукло обозначена тема патриархальной власти Үрүн Айыы Тойона. Верховный бог направляет на помощь Нюргун Боотуру своих служанок, укрощающих неистовую Кыыс Нюргун, и передающих ее богатырю-мужчине (Нюргун Боотур стремительный, 1982: 390–396). Таким образом, сказания о девах-богатырях превращались в идеологические средства закрепления норм патриархального строя.

Здесь и становится более очевидной значимость образа Үрүн Айыы Тойона, который был необходим для того, чтобы привнести и укрепить идею патриархальной организации в якутскую мифологию. Образ Үрүн Айыы Тойон самодостаточен и не нуждается в чудесных качествах и героических деяниях. Самое существенное для творцов и потребителей мифологии заключалось в его социальном статусе главы агнатной общины. В мифе закрепляется патриархальная генеалогия. В героическом эпосе олонхо с образом Үрүн Айыы Тойона связаны сюжеты установления гендерного господства мужчины и подчинения женщины. В эпосе с выраженной матрилинейной темой, как в Деве Кылааннаах, присутствие Үрүн Айыы Тойона ощущается косвенно. Он может быть связан с божественными атрибутами, например со стрелой, поражающей абааһы. Но там, где герой-мужчина выходит на первый план, Үрүн Айыы Тойон оказывается патроном нового социального порядка. Во всех случаях, он является воплощением движущих сил, изменяющих характер социальных отношений.

Үрүн Айыы Тойон выступает в качестве прародителя богов айыы, некоторые из которых, согласно якутским эпическим поэмам олонхо, поселяются на земле, в так называемом Среднем мире, для его обустройства и защиты (Нюргун Боотур стремительный, 1982: 12–17). Уже само по себе появление образа верховного бога является элементом, относящимся к мифологии патриархата (Лосев, 1957: 70). Как персонаж героического эпоса олонхо, Үрүн Айыы Тойон олицетворяет процесс утверждения патриархальных отношений, поскольку мифология героизма является составной частью идеологии патриархата (Лосев, 1957: 70). С образом Үрүн Айыы Тойона связаны многие сюжеты олонхо о богатырях-героях. Можно обозначить эту связь сюжетов как циклизацию, которая является идеологическим отражением исторических сдвигов в жизни народа (Пропп, 1999: 53).

Үрүн Айыы Тойон обеспечивает порядок на земле (контроль над территорией), поселив на ней младших членов своей семьи – Нюргун Боотура, Үрүн Уолана, Айыыһыт сиэнэ Ала Хаара, Иэйэхсит сиэнэ Илэ Хаара и др. (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 148). Это мифологическая реплика процесса сегментации большой патриархальной семьи и превращения ее в патронимию.

Үрүн Айыы Тойон поддерживает свою власть не силой и не чудесными атрибутами, а посредством руководства социальной организацией. Неслучайно в якутском мифе Үрүн Айыы Тойон не играет активной роли, «с высоты своего престола.. он созерцает вселенную, но в дела мира сего мало вмешивается» (Серошевский, 1993: 629). Божества айыы были его домочадцами или *оруолдьуттар* (мн.ч.) – ‘приближенными’ (Алексеев, 1975: 77). Его приказы исполняют *халлан бухатыырдар* – ‘небесные богатыри’, ему прислуживают юноши *дьөһүөлдьүттэр* (мн.ч.) – ‘слуги’. В олонхо он помогает народу айыы аймаҕа в борьбе с враждебными людям существами – абааһы, посылая небесных богатырей. Наиболее значимые вопросы могут решаться советом богов айыы, который созывается Үрүн Айыы Тойоном (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 133).

В седилах белых, как молоко
В высокой шапке их трех соболей,
Украшенной алмазным пером,
Говорят – восседает он,
Говорят – управляет он,
Белый Үрүн Аар Тойон..
Супруга – равная блеском ему,
Есть у него, говорят..
Стремянные – шаманы у них,
Удаганки – служанки у них
(Нюргун Боотур стремительный, 1982: 8–9).

Женские образы богинь из окружения Үрүн Айыы Тойона заслонили хозяйку земли, образ которой был довольно нечеток и недифференцирован. Это образ древнейшей мифологии, связанный с мышлением, в котором социальные связи были заполнены биологическим содержанием. Якуты называли ее Аан Алахчын Хотун, Аан Аалай Хотун, Ала Мылахсын, Манган Манхалыын хотун. Типологически хозяйка земли относится к образам хозяев стихий, широко распространенных в ранних мифологических сюжетах (Пропп, 1999: 33–35). В некоторых мифологических сюжетах хозяйка земли определяла продолжительность жизни людей. Следы культа хозяйки земли сохранялись и при господстве патриархальной мифологии.

У якутов был распространен обычай возводить жилые постройки и *хотон* ‘хлев’ для скота возле ‘большого ветвистого дерева’ *Чэрчи мас*, а если его не было то устанавливался ‘столб, изготовленный из дерева с необрезанными ветвями’ *Аар тэлгэнэ сэргэ мас*. Считалось, что у людей, живущих возле этих объектов, будет много потомков и умножится скот (Яковлев, 1992: 9–10). Старое, с большим количеством ветвей и большой кроной, дерево считалось местом обитания хозяйки земли (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 172). Такие деревья увешивались *салама* или *дэлбиргэ*, ‘волосняными веревками, лоскутками ткани и перьями’ (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 122–123).

Исторически культ «хозяев» (хозяев земли, хозяев леса, хозяев жилища и т.п.) сменяется многобожием (Пропп, 1999: 36). У якутов в процессе перехода от культов «хозяев» к многобожию на первый план среди женских персонажей выдвинулись богини покровительницы плодородия Айыыһыт и Иэйиэхсит. Первая почиталась как богиня, дарующая душу и покровительница рожениц, вторая – как богиня, определяющая судьбу и стимулирующая половое влечение (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 167, 169). Здесь отчетливо проявляется функциональность образов. Патриархальная мифология сделала более отчетливыми статусы разных персонажей, связав их с определенными функциями. Хотя существовали также сюжеты, где Айыыһыт и Иэйиэхсит представляют одно и то же божество плодородия «Эйэн Иэйиэхсит Хаам Айыыһыт» (Емельянов, 1980: 16). Вероятно, персонажи Айыыһыт и Иэйиэхсит отражают процессы сегментации образа хозяйки земли.

Другими женскими божествами, почитавшимися якутами были хозяйка жилого дома Дьиэрдэ Бахсынат или Өтөх иччитэ Өтөхөөн эмэхсин и дух-хозяйка хлева Ньаадьы. В якутских мифах эти женские образы генеалогически связаны с мужскими персонажами и включены в состав патрилинейных групп. Айыыһыт и Иэйиэхсит являются домочадцами Үрүн Айыы Тойона, а Ньаадьы считается дочерью Улуу Тойона (Алексеев, 1975: 73, 77). Таким образом, мы обнаруживаем здесь расстановку гендерных статусов.

Женские божества получили статус хранительниц плодородия людей и скота, покровителей жилища и помещений для скота. Ограничение роли женских божеств функцией подалительниц разного рода благ обусловило их смещение на второй план сценической площадки якутского мифа. Женщины обрели роли невест, жен, служанок. Женщины-богатырки превратились в боевых подруг главных героев. Повествования об Үрүн Айыы Тойоне были инструментом вытеснения культов «хозяев» и их ведущего персонажа – хозяйки земли.

С Айыы Тойоном связана патрилинейная генеалогия. «Биир Үрүн Аар Тойон биийин ууһуттан ыла дьонну омукупут дииллэр үһү» – «От рода Үрүн Аар Тойона начало взяв, люди народом стали» (Якуты (Саха), 2013: 87–88). Якутские социальные организации XVII в., называвшиеся *дьон*, досл. ‘люди’ или ‘народ’ и *аймах*, досл. ‘родство’ были агнатическими группами, т.е. ведущими происхождение по мужской линии.

Исследователь общественного строя якутов С. А. Токарев отождествлял *дьон* (в русских источниках ‘волость’) с племенной организацией, а *аймах* – с ‘родовой группой’ (Токарев, 1945: 41, 46–48, 53). Мифология преподносит мироустройство как вариант существующего социального порядка. Үрүн Айыы Тойон и его домочадцы составляют большую патриархальную семью, подобную той, следы которой обнаруживались в XVII в. в практиках совместного выпаса скота родственными моногамными семьями, совместных перекочевок этих семей, их объединения во время военных столкновений. В это время группа родственных якутских семей еще сохраняла характер сплоченного, солидарного коллектива под верховенством главы самой крупной и экономически сильной семьи (Токарев, 1945: 66–69). Таковую совокупность семей, поддерживающих родственные, хозяйственные и идеологические связи, обозначают термином ‘патронимия’. Термин *аҕа-ууһа* – досл. ‘род отца’, первоначально мог обозначать большую патриархальную семью. Внутри *аҕа-ууһа* семьи консолидировались на основе происхождения от общего предка-патриарха, основателя рода. Элементом родовых отношений был экзогамный запрет, распространявшийся на родственников по отцовской линии (Якуты (Саха), 2013: 87–90).

Үрүн Айыы (Аар) Тойон, как мы видим, не имя собственное, а эпитет ‘Белый Айыы (старейший) господин’, который включает социальный термин *тойон*, обозначающий ‘представителя правящего класса якутского общества’ (т.е. являющийся титулом), в период с XVII – конец первой четверти XX в. Тойоны XVII в. являлись главами объединений родственных семей – патронимий, которые включали в себя братьев тойона, сыновей, племянников, *кумаланов* – ‘вскормленников’, *дюккахов* – клиентов, которых в источниках XVII в. называли ‘живущими подле [хозяев]’, *кулуттов* – ‘рабов’, с женами и детьми. Подобное объединение родственников, зависимых людей и рабов было основой власти и влияния каждого тойона. Возглавляя коллектив родственников и слуг, тойон мог осваивать и защищать определенную территорию, подчинять влиянию другие группы якутов, обеспечивать функционирование автономного хозяйственного организма. При этом тойоны сами не участвовали в производительном труде (Токарев, 1945: 140–142).

Үрүн Айыы Тойон это идеализированный, но в тоже время, типичный образ якутского тойона, распоряжающегося членами своего объединения, но никоим образом не участвующего в выполнении каких-либо работ (Очерки по якутскому фольклору, 2008: 133). Распоряжения Үрүн Айыы Тойона исполняют *дьөһүөлдүүттэр* и *оруолдүүттэр*. *Дьөһүөлдүүт* – слово, которым называют в олонхо слуг Үрүн Айыы Тойона, буквально означает ‘присматривающий за конным скотом’, тоже самое, что и *сылгысыт* – ‘пастух конного скота’ (Пекарский, 1958: 854). *Оруолдүүт* – слово, которым называли приближенных Үрүн Айыы Тойона, второстепенных божеств айыы, еще имело значения ‘прислужник, приближенный раб’ (Пекарский, 1959: 1880).

Как отметили исследователи якутского общества эпохи вхождения в состав Российского государства (XVII в.), тойонское хозяйство существовало в основном за счет эксплуатации рабского труда. Рабам поручался выпас хозяйского скота, заготовка сена, ловля рыбы, сбор сосновой заболони, соболиный промысел и даже участие в военных действиях. На домашних работах в основном были заняты женщины-рабыни (Якутия в XVII веке, 1953: 160–161). Структура социальных позиций в группе богов айыы воспроизводит структуру позиций в тойонском хозяйстве якутов. Исследователи источников по истории Якутии XVII в. говорят о наличии у якутов патриархальной идеологии, оправдывающей отношения господства-подчинения и обосновывающей право тойонов эксплуатировать рабский труд (Якутия в XVII в., 1953: 159). Миф и эпос также относятся к инструментам идеологии, и является продуктом

развития и борьбы социальных отношений (Лосев, 1957: 18). Мы обнаруживаем подтверждение утверждения Р. Дарендорфа о том, что миф представляет ту часть структур господства, которая соотносится с установлением норм (Дарендорф, 1980: 438).

Якутские тойоны подчеркивали происхождение своих семей от богов айыы и поддерживали существование культа этих богов. Главное священнодействие якутской общины ысыах (Ыһыах), проводившееся в июне, было посвящено богам айыы и представляло собой ритуал построения освященного, организованного пространства с поэтическими *алгысами* 'обращениями' к айыы. Ысыах воспроизводил схему творения упорядоченного мира и предоставлял его участникам возможность осознать свою сопричастность к божественному акту. Организуя священное пространство, разделяя с богами айыы священную трапезу и обеспечивая их содействие, люди вносили свой вклад в восстановление мирового порядка. Это единственный праздник якутов, который был посвящен, помимо прочих богов айыы, Үрүн Айыы Тойону. Во время обряда «держания кумысных чаш» первое обращение-алгыс 'айыы ойууна' – 'шамана богов айыы' было адресовано Үрүн Айыы (Аар) Тойону. Обращаться к богам айыы во время ысыаха следовало в определенной последовательности (Якуты (Саха), 2013: 254).

Согласно преданиям, начало традиции проводить ысыах было положено во времена Эллэя (Алексеев, 1975: 78), основателя рода, впоследствии знатного, из которого происходил известный вождь кангаласских якутов Тыгын. В семье Эллэя родились семь сыновей, старшим из которых был Лабанха, впоследствии ставший шаманом-ойууном. Лабанха ойуун (в других вариантах, сам Эллэй) организовал проведение первого ысыаха с обращениями-алгыс, исполнением ритуальных песен-тойук, которые нравятся Үрүн Айыы Тойону и радуют духов местности (Боло, 1994: 178). Предания об Эллэе служили идеологическим средством самовозвеличения для Тыгына и его рода (Токарев, 1945: 164). Таким образом, социальная идентичность кангаласцев – самого многочисленного территориального объединения якутов, была связана с притязанием на происхождение от потомков Үрүн Айыы Тойона.

Источники XVII в. показывают, что власть и влияние тойонов в отношении родовой общины были ограниченными. Население волостей не рассматривало тойонов как носителей судебно-административной власти. Тойоны не имели отношения к поддержанию порядка в улусах (Токарев, 1945: 157–161). В эту эпоху они прилагали усилия к обращению населения улусов в зависимость путем военных набегов, которые подрывали хозяйственную самостоятельность якутских семей. Разорение самостоятельного производителя обеспечивало тойонские хозяйства зависимыми людьми – кумаланами и дюккарами (Токарев, 1945: 142–149). Институт же ысыаха позволял тойонам претендовать на лидерство в общине и ее ресурсы без применения вооруженного насилия. Ысыах был инструментом укрепления престижа тойона, организовавшего коллективный праздник и выделившего для его проведения необходимые средства. Ежегодное участие членов общины в ысыахе обеспечивало их лояльное отношение к существующему социальному порядку, который преподносился как часть вселенского устройства, установленного богами. Вероятно и культ Үрүн Айыы Тойона сложился и поддерживался как идеологическое обоснование власти тойонов – глав отдельных патронимий, постепенно изымавших у якутского населения право распоряжаться общинными угодьями. Это и составляет содержание второго этапа развития мифологии Үрүн Айыы Тойона.

Таким образом, в культе Үрүн Айыы Тойона выпукло представлена идея гендерного господства мужчины и проявляются тенденции, которые вели к образованию такого порядка. Мифология Үрүн Айыы Тойона содержала в себе обоснование системы агнатного родства, преподносила в качестве образца социальной организации – патронимию, освящала нормы обычного права, закреплявшие господствующее положение мужчины и подчиненное положение женщины. Миф о Үрүн Айыы Тойоне предстает как активный элемент структур господства в якутском обществе. Он был инструментом закрепления гендерного неравенства и установления власти якутского тойоната.

Список литературы:

- Алексеев Н. А.** Традиционные религиозные верования якутов в XIX–XX в. – Новосибирск: Наука., 1975. – 200 с.
Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. – Якутск: Бичик., 1994. – 352 с.
Дарендорф Р. Тропы из утопии. – М.: Праксис., 2002. – 536 с.
Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 376 с.
Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск., 1979. – 483 с.
Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957. – 620 с.
Нюргун Боотур стремительный. Якутский героический эпос олонхо. – Якутск: Якутское книжное издательство. 1982. – 432 с.
Очерки по якутскому фольклору. Под ред. Г. У. Эргис. – Якутск: Бичик., 2008. – 400 с.
Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. I. Вып. 1-4. – М.: Академия наук СССР, 1958.
Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. II. Вып. 5-9. – М.: Академия наук СССР, 1959.
Пропл В. Я. Русский героический эпос. – М.: Лабиринт., 1999. – 640 с.
Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд., – М., 1993. – 736 с.
Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1945. – 414 с.
Яковлев В. Ф. Сэргэ. Научно-популярный очерк. I ч. Якутск., 1992. – 64 с.
Якутия в XVII веке (очерки). Сборник под редакцией С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. – 440 с.
Якуты (Саха) / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – М.: Наука., 2013. – 599 с.

Слепцов Евгений Петрович, кандидат исторических наук, доцент

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова Институт психологии.

ул. Белинского, 58. Якутск, Россия, 677000.

E-mail: slepsov-ev71@mail.ru

Егорова Аида Июньевна, кандидат психологических наук, директор.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова Институт психологии.

ул. Белинского, 58. Якутск, Россия, 677000.

E-mail: aidaego@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19 апреля 2019 г.

E. Sleptsov, A. Egorova

URUNG AIYY TOYON AS A KEY MALE IMAGE OF PATRIARCHAL YAKUTS MYTHOLOGY

The article considers the development of social attitudes including gender imperatives in Yakut mythology and epic. The analysis of the role of the character of *Urung Aiyy Toyon* in the formation of the patriarchal organization of the Yakut society is carried out. The character of *Urung Aiyy Toyon* was a patron of the new social order and a tool for supplanting the matrilineal community cult and its leading character the mistress of the Earth. The work highlights the stages of the historical development of the character of *Urung Aiyy Toyon*, associated with structural changes in the Yakut society during the process of transition from matrilineality to patrilineality, as well as the ideological function of this cult. The character of *Urung Aiyy Toyon* acted as a bearer of typical features of the social group of *toyons*, and myths about him turned out to be an active element of the structures of domination in the Yakut society.

The cult of *Urung Aiyy Toyon* was formed and maintained as an ideological rationale for the power of the *toyons*, heads of individual patronymias. It was necessary in order to bring and strengthen the idea of a patriarchal organization in Yakut mythology. The character of *Urung Aiyy Toyon* is self-sufficient and does not need magical qualities and heroic deeds. For creators and consumers of mythology its social status as the head of the agnate community was most important. In the myth and the heroic epic of *Olonkho*, *Urung Aiyy Toyon* reinforces the patriarchal genealogy. In the cult of *Urung Aiyy Toyon*, the idea of male dominance is vividly represented and the tendencies that lead to the formation of a gender hierarchy in Yakut society are manifested. The mythology of *Urung Aiyy Toyon* was the

rationale for the system of agnatic kinship, sanctifying the norms of customary law, reinforcing male dominance and women's subordinate position. The myth of *Urung Aiyy Toyon* appears as an active element of the structures of domination in Yakut society, which functioned as a tool for consolidating gender inequality and establishing the power of the Yakut *toyons*.

Key words: *Yakuts, mythology, epos, olonkho, male images, female images, patriarchy, Urung Aiyy Toyon.*

References:

- Alekseev N. A.** Tradicionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX–XX v. [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the XIX–XX centuries]. – Novosibirsk: Nauka, 1975. – 200 p. (in Russian)
- Bolo S. I.** Proshloe yakutov do prihoda russkikh na Lenu: Po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga [The past of the Yakuts before the arrival of the Russians to Lena: According to the traditions of the Yakuts of the former Yakut district]. – Yakutsk: Bichik, 1994. – 352 p. (in Russian)
- Darendorf R.** Tropy iz utopii. [Utopia Paths]. – M.: Praxis, 2002. – 536 p. (in Russian)
- Emel'yanov N. V.** Syuzhety yakutskikh olonho. [The plots of the Yakut olonkho]. – M.: Science, 1980. – 376 p. (in Russian)
- Kulakovskij A. E.** Nauchnye trudy. [Scientific works]. – Yakutsk., 1979. – 483 p. (in Russian)
- Losev A. F.** Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii [Ancient mythology in its historical development]. – M., 1957. – 620 p. (in Russian)
- Nyurgun Bootur stremitel'nyj.** Yakutskij geroicheskiy ehpos olonho [Nyurgun Bootur swift. Yakut heroic epic olonkho]. – Yakutsk: Yak. Publishing house., 1982. – 432 p. (in Russian)
- Ocherki po yakutskomu fol'kloru. [Essays on Yakut folklore]. Ed. by G. U. Ehrhgis. – Yakutsk: Bichik, 2008. – 400 p. (in Russian)
- Pekarsky E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. Vol. I. Iss. 1-4. – M.: Academy of Sciences of the USSR, 1958. (in Russian)
- Pekarsky E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka. [Dictionary of the Yakut language]. Vol. II. Iss. 5-9. – M.: Academy of Sciences of the USSR, 1959. (in Russian)
- Propp V. YA.** Russkij geroicheskiy ehpos. [Russian heroic epic]. – M.: Labyrinth, 1999. – 640 p. (in Russian)
- Seroshevskij V. L.** Yakuty. Opyt ehnotograficheskogo issledovaniya [Yakuts. The experience of ethnographic research]. – 2nd ed., – M., 1993. – 736 p. (in Russian)
- Tokarev S. A.** Obshchestvennyj stroj yakutov XVII–XVIII v [The social structure of the Yakuts XVII–XVIII centuries]. – Yakutsk: Yakutsk Publishing House, 1945. – 414 p. (in Russian)
- Yakovlev V. F.** Sehrgeh. Nauchno-populyarnyj ocherk Sehrgeh. Nauchno-populyarnyj ocherk [Serge. Popular science essay]. – Yakutsk., 1992. – 64 p. (in Russian)
- Yakutiya v XVII veke (ocherki) [Yakutia in the XVII century (essays)]. Collection ed. by S. V. Bakhrushin and S. A. Tokarev. Yakutsk: Yakutsk Publishing House, 1953. – 440 p. (in Russian)
- Yakuty (Saha) [Yakuts (Sakha)] / Ed. by N. A. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova. – M.: Nauka, 2013. – 599 p. (in Russian)

Sleptsov Evgeniy, Candidate of History, assistant professor.

**Institute of Psychology Department of Psychology and Social Sciences
North-Eastern Federal University (Yakutsk).**

Belinsky str., 58. Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: sleptsov-ev71@mail.ru

Egorova Aida, Candidate of Psychology, Director.

North-Eastern Federal University (Yakutsk). Institute of Psychology

Belinsky str., 58. Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: aidaego@mail.ru